

Изъ дневника о. Іоанна Кронштадтскаго— въ обличеніе душепагубнаго еретичества Льва Толстого.

Вмѣсто предисловія (изъ письма въ редакцію).

На-дняхъ я получилъ анонимное письмо отъ одного толстовца, въ коемъ онъ бранитъ меня за то, что я написалъ слабое опроверженіе толстовскихъ бредней, что я—пигмей, выступаю противъ колосса—Толстого и, имѣя только одинъ талантъ, хочу бороться на бумагѣ съ имѣющимъ десять талантовъ (Толстымъ)... Чтобы не оставаться предъ Толстымъ и его поклонникомъ въ долгу и отвѣтить обоимъ „сильнѣ“, я рѣшился и еще кое-что напечатать,—вѣдь правда сильна и—защититъ ее легко противъ борющихся съ нею, хотя бы и „колоссовъ“—толстовцы вѣдь воображаютъ себя колоссами—впрочемъ, не въ обиду будь имъ сказано,—на глиняныхъ ногахъ... И то правда, что Толстой—колоссъ, но въ своей сферѣ, въ области литературы романической и драматической,—а въ области религіозной онъ—настоящій пигмей, ничего несмыслящій. И если я и еще скажу въ обличеніе Толстого и его товарищей, прошу ихъ не прогнѣваться за голую и рѣзкую правду. Я не хотѣлъ болѣе отвѣчать на безумные глаголы Толстого, но если меня рѣзко вызываютъ на это, то, по долгу предъ Истиной и Церковью, отвѣчаю, отдавая въ печать выдержки изъ моего дневника, заключающія мои мысли и чувства по поводу душепагубнаго *Толстовскаго* еретичества.

Нынѣшнее время есть время борьбы съ грѣхомъ, съ плотію страстною, міромъ, во злѣ лежащимъ, и дьяволомъ, виновникомъ грѣха, время обученія всякой добродѣтели: вниманію себѣ, трезвенію, самоотверженію, бодрствованію, воздержанію, крѣпости, смиренію, незлобію, послушанію, цѣломудрію, снисхожденію къ ближнимъ, милосердію;—теперь не время покоиться и предаваться удовольствіямъ, ибо лукавые, злѣйшіе и хитрые враги